

**Бестселлеры
Владимира Мединского**

**ПРОЕКТ
ВЛАДИМИРА МЕДИНСКОГО**

ВОЙНА

**ГЕРОИ И ПОДВИГИ
1941 – 1945**

Москва
2023

УДК 94(47+57)''1941/45''
ББК 63.3(2)622
М42

Использованы материалы архивов:
Центральный архив Минобороны РФ (ЦАМО),
Госархив Военно-Морского флота (РГАВМФ),
Госархив кинофотодокументов (РГАКФД),
баз данных: «Война. 1941—45» (@Voina_41_45),
«Герои страны» (warheroes.ru), «Подвиг народа» (podvignaroda.ru)

Рекомендовано Российским военно-историческим обществом

Мединский, Владимир Ростиславович.

М42 Проект Владимира Мединского. Война. Герои и подвиги / Владимир Мединский. — Москва : Эксмо, 2023. — 464 с.

ISBN 978-5-04-112689-6

Эта книга необычна. На протяжении 5 лет скрупулезно подбирался материал проекта «Война. Герои и подвиги». Результат — захватывающая история Великой Отечественной в лицах ее героев. Знаменитых и забытых, прославленных и недооцененных... Концентрация подвигов на этих страницах — невероятная, немислимая. Но такова уж история России — страны Героев.

УДК 94(47+57)''1941/45''
ББК 63.3(2)622

ISBN 978-5-04-112689-6

© Мединский В.Р., 2020
© Издание, оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2023

ПОМНИТЕ ИХ

11 апреля 1944 г. летчик Александр Мамкин в подбитом самолете горел заживо, но не бросил штурвал и не выпрыгнул с парашютом. В его биплане Р-5 было 13 маленьких детишек. Мамкин вывозил по воздуху из оккупированной зоны сирот полоцкого детдома, у которых фашисты намеревались качать кровь для своих раненых. Это была партизанская операция – каратели наступали, детей надо было спасать. Последним вылетом летчик Мамкин вывез 13 детей, а сам умер в госпитале через несколько дней. Врачи не могли объяснить, как он вообще мог оставаться в сознании, вести самолет и совершить посадку с такими «несовместимыми с жизнью» ожогами.

За свой последний рейс Александр Мамкин награжден не был – он оставался летчиком гражданской авиации, вероятно, что-то не щелкнуло в системе военной бюрократии. Но спасенные им сироты с того дня называли себя детьми Мамкина. И теперь вы тоже знаете про его подвиг.

Пожалуйста, помните о нем.

И пусть летчик Мамкин не стал Героем Советского Союза, он по чести входит в национальный Пантеон героев. Что я имею виду? Конечно, пантеон – не как место захоронения и не как храм античных богов. Наш национальный Пантеон – совокупность выдающихся и ярких личностей. Полководцев, государственных, духовных деятелей, деятелей культуры и искусства, производства, науки – навеки обретших место в народной памяти. Нет, совокупность не то слово – когорта, союз, боевой отряд!

ПАНТЕОН ГЕРОЕВ

Историки стремятся сохранить и описать всю ткань социальной жизни на протяжении веков, но народная память хранит в сознании лишь наиболее яркие, героические или трагические

моменты своего прошлого. Обычно эти моменты связаны с деятельностью каких-то конкретных личностей, и тогда эти личности становятся символами крупных событий. Скажем, изгнание поляков из России в 1612 г. наше сознание связывает с именами князя Пожарского, Кузьмы Минина и Ивана Сусанина – именно эти люди стали символом давнего исторического события. Так и возникает национальный Пантеон.

Он создается и живет до тех пор, пока народ хранит память о своем прошлом. Если же он утрачивает историческую память, то перестает быть народом и становится народонаселением.

Герои, которые нас к себе притягивают – знаменитости и цари, полководцы и простые люди, совершившие подвиг, выдающиеся ученые, писатели и даже (полу)вымышленные герои литературы, – показывают нам «на себе», кто мы есть, какие ценности для нас важны...

Конечно, в значительной мере национальный пантеон формируется спустя долгое время после произошедших событий. Участники и свидетели некоего исторического события получали определенный чувственный опыт, который сохранялся в их памяти, при этом у каждого из свидетелей – этот опыт был «свой», и правда истории – своя.

У их потомков память о событии формировалась лишь под влиянием рассказов еще живых очевидцев, а в основном – пересказов пересказчиков. Третье поколение уже и пересказов-то не слышало. Их память о прошлом определялась образованием, литературой, искусством, а потом уже – СМИ, ну и самым массовым дезинформатором – Интернетом/соцсетями... Каким в нашей памяти, скажем, предстает русский царь Борис Годунов? Таким, как описывают его первоисточники? Профессиональные историки – пересказчики и толкователи? Да нет, у большинства людей образ этого царя сформирован пушкинским «Борисом Годуновым» и всяческими спектаклями и кинофильмами по мотивам...

Сейчас мы видим, что государства повсюду стараются влиять на формирование исторической памяти, или даже – на ее «перформативное». Делают это в угоду политической конъюнктуры.

Нравится нам это или нет, – но так оно есть, и до некоторой степени это даже естественно.

История – материя подвижная, и с течением времени Пантеон героев склонен меняться: кто-то из него выпадает, кто-то – включается. Скажем, Буденный и Ворошилов, Николай Островский и Аркадий Гайдар, Алексей Стаханов и Павлик Морозов на протяжении нескольких поколений были в основе советского пантеона, а ныне уже почти забыты. Зато мы видим усилия по включению в него героев-белогвардейцев, деятелей церкви, эмигрантского и диссидентского движения, и вот уже и мечущийся Колчак, и обмороженный Каппель, и грустный Бродский, и неистовый Солженицын занимают освободившиеся места в партере Пантеона XX века России...

Однако всегда существовало, существует и будет существовать некое *системообразующее ядро* – набор персонажей, с деятельностью которых народ отождествляет свою историческую судьбу. Попасть в это ядро чрезвычайно трудно. Но если кто попал – это навсегда. В число таких личностей входят князь Владимир Красно Солнышко и Сергей Радонежский, Александр Невский и Дмитрий Донской, Петр I и Суворов. Сюда же входят герои советского периода: Жуков и Рокоссовский, Королев и Гагарин (о Великой Отечественной мы еще поговорим отдельно).

Владыка Тихон (Шевкунов) как-то хорошо сказал: *«Представляется, что в создании учебников истории необходимо представить пантеон героев, не бояться этого, не бояться осуждения, криков либеральной общественности. Этот пантеон героев воспитает людей»*. Далее – о ценностях современной молодежи: *«На первом месте – здоровье, потом качественное жилье, потом, в лучшем случае, семья, потом непременно – деньги, материальные блага, затем – собственная безопасность, затем – обязательно высокооплачиваемая работа, ну а на последнем месте – что-то похожее на морально-этические ценности – друзья, родные места, вообще – Родина. Вот вам результат дегероизации истории...»*

Прав владыка: именно герои, а не кто бы то ни было другой, наделены историей, обществом, промыслом Божиим – важнейшей функцией: передать примером своей жизни высшие духовные, вечные ценности – из поколения в поколение.

ДОБРАЯ СЛАВА

Споры вокруг многих сложных исторических личностей (каковы бы они ни были) были и будут. Это нормально. Мы должны знать о них и плохое – иначе впадем в бездумное восхваление и обречем ту же личность на «двойную» жизнь.

Но полное устранение таких людей, как Иван Грозный, Ленин или Сталин, из исторической памяти означает только уничтожение самой памяти. Разве можно запретить говорить о Сталине как о Верховном главнокомандующем во время войны, руководителе армии, которая одержала Победу во Второй мировой? Равно как нельзя не говорить, что массовые репрессии опять-таки – есть кровавый результат лично его, Сталина, бесчеловечной политики? Роль государства в этой связи я вижу в просветительской работе, направленной на изучение и понимание истории во всей ее полноте, без лакун, и в изучении обстоятельств, в которых действовал исторический деятель. Примириться с той историей, в том виде, в котором она состоялась, – это не значит оправдать. И не значит – втоптать в грязь. Это значит – усвоить уроки прошлого и взять все лучшее, что было в это время.

Приведу для убедительности (все-таки у нас принято ссылаться на авторитеты, чем стариннее – тем убедительнее) слова, написанные Н. М. Карамзиным об Иване Грозном: *«Добрая слава Иоаннова пережила его худую славу в народной памяти: стенания умолкли, жертвы истлели, и старые предания затмились новейшими; но имя Иоанново блистало на Судебнике и на поминало приобретение трех Царств Могольских: доказательства дел ужасных лежали в книгохранилищах, а народ в течение веков видел Казань, Астрахань, Сибирь как живые монументы Царя-Завоевателя; чтил в нем знаменитого виновника нашей*

государственной силы, нашего гражданского образования; отвергнул или забыл название Мучителя, данное ему современниками, и по темным слухам о жестокости Иоанновой доньне именует его только Грозным...»

Ничего нельзя форсировать. Общество, народ рано или поздно, со временем, может – с веками – само выберет правильную оценку для героя Истории. И если такой герой войдет в Пантеон (со всеми плюсами и минусами) – то это будет фактом осознанного отношения граждан к своей истории, особенностью нашей национальной исторической памяти.

История России показывает, что в годы Великой Отечественной войны в пропаганде на первый план выдвигались или военные герои прошлого, или князья, цари, которые отстаивали независимость государства. Это было нужно для Победы, мобилизации духовных сил народа на разгром врага.

На этапах мирного развития общество выдвигает или популяризирует иных героев. Для кого-то это декабристы или Александр II; для иных Победоносцев, граф Уваров и Александр III; третьи полагают, что мы стали незаслуженно забывать свою советскую историю («время первых») – наших космонавтов, ученых, выдающихся писателей и т. д. Собственно, правы все вышеперечисленные. Они все – за родную суверенную историю, где русский народ, братские народы России – есть сами вершители своей судьбы, а нередко – и судеб всего мира.

Но есть и другой подход к национальной исторической политике. Точнее – сегодня мы становимся свидетелями столкновения государственного и транснационального подходов к нашей истории. Видимое воплощение последнего – те, кто подвергают сомнению весь смысл жертвенной борьбы нашего народа за свою свободу и независимость, – особенно в годы Великой Отечественной. Государство должно проводить свою национальную суверенную историческую и культурную политику. Иначе рано или поздно мы подойдем к красной черте, за которой «транснациональное» одержит окончательную победу над «традиционным», и страна понесется по пути саморазрушения.

Подводя промежуточные итоги... Здесь не скажу ничего нового, но это имеет смысл повторять. Молодое поколение должно учиться на лучших примерах именно из своего родного прошлого. Национальный герой, имя которого вошло в учебник, – это не просто человек, совершивший какой-то подвиг. Это личность, радеющая о стране, о народе, совершавшая поступки ради будущего своей земли.

В УЧЕБНИК – И В ФИЛЬМ

Говоря о кино, о «важнейшем из искусств», наши патриоты-традиционалисты почему-то постоянно напирают на важность понятия «историческая достоверность». Да, это, конечно, важно. Но в искусстве, утверждаю, в любом художественном произведении – это совершенно не главное. Гораздо важнее эмоция, страсть, правда духа, правда мотивации героев и атмосферы того времени. Именно в таком ключе старались снимать при нашей поддержке такие военные и исторические фильмы, как «Батальон» и «28 панфиловцев», «Битва за Севастополь» и «Собибор», «Т-34» и «Балканский рубеж», «Время первых» и «Салют 7», документальные и художественные сериалы, такие как «Борис Годунов», «Екатерина», «Тихий Дон», «Романовы» и «Рюриковичи», «1814. Заграничный поход» и «Дело декабристов», «Нулевая мировая» и «Первая мировая», «Освобождение Европы», «Забытые вожди» и «Забытые войны». Из совсем последних – «Союз спасения», «Подольские курсанты», «Страсти по Зое», да, в общем, и многие, многие другие. Выйдет в ближайшее время еще достаточно достойных. Историческое кино стало трендом российского кинематографа. И все равно никогда не получится воплотить на экране все эпизоды, которые так и просятся стать фильмом. Героев слишком много.

Преимущество нашей страны в том, что нам не нужно выдумывать каких-то фантастических супергероев. Их у нас не счесть – в любом из отрезков нашей истории. О некоторых мы еще очень мало знаем, или не знаем совсем (об этом еще поговорим). Что же касается нашуемвшей истории о 28 панфиловцах,

то она основана на реальных событиях войны, когда в критический период битвы за Москву горстка простых людей, молодых ребят, из плоти и крови, встала против лавины бронированных машин – из железа и огня. И человеческий дух оказался прочнее. Это, если хотите, наш миф о спартанцах, который мы не имеем права убивать ни в себе, ни в наших потомках. И пока с нами будут наши герои – нам нечего бояться за свое будущее.

Но подвиг 28-ми – это не только легенда, но и сугубо документальная история, на которой хочу остановиться поподробнее. Российское военно-историческое общество вместе с энтузиастами – историками спецслужб 2 года вело поиски в архивах. И вот – удача. Обнаружено дело под грифом «Смерш» 1942-1944 гг., а в нем:

- 3 новых свидетельства того, что бой 28 панфиловцев был;
- 2 новых описания боя;
- многочисленные подробности обстоятельств вокруг подвига (скажем, слова политрука Клочкова «Отступать некуда»).

БУДУТ ЖИТЬ 28

Новое о подвиге героев-панфиловцев

Итак, самый легендарный эпизод битвы за Москву – бой «28 героев-панфиловцев». Что мы о нем знаем? 16 ноября 1941-го бойцы из дивизии Панфилова у разъезда Дубосеково ценой своей жизни, практически без поддержки артиллерии, остановили в течение дня продвижение нескольких десятков немецких танков. 28 бойцов посмертно удостоены звания Герой Советского Союза. Этот эпизод – один из краеугольных камней, на которых зиждилась советская пропаганда, та самая идеологическая «неурушимая стена» вокруг сталинской Москвы. Эпизод стал известен благодаря двум статьям в «Красной Звезде»: «Завещание 28 павших героев» от 28 ноября 1941-го, «О 28 павших героях» от 22 января 1942-го, автор А. Кривицкий.

Периодически усилиями разных архивистов-публицистов всплывает альтернативная версия событий у разъезда Дубосеково. Краткое изложение: бой 28 панфиловцев – есть на

100 % плод творческой фантазии тов. Кривицкого. Данная версия отталкивается от т. н. расследования Военной прокуратуры 1948 г.

Сторонники линии в защиту канона Кривицкого сам факт послевоенного прокурорского расследования не отрицают, но подчеркивают, что глубоко ошибочно по сути – само расследование. Во-первых, проходило поздно, через 7 лет после событий, было политически ангажированным (готовилась новая волна репрессий против генералитета, собирался компромат на Жукова, командовавшего войсками под Москвой) и так далее.

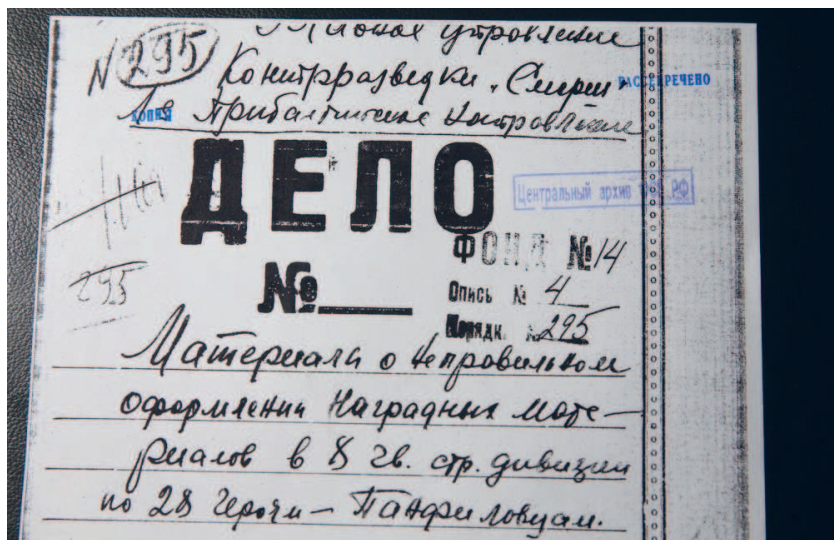
Моя позиция была как бы посередине, максимально взвешенной – я всегда склонялся к тому, что подвиг был, героизм – массовый, число панфиловцев как участников конкретного боя в конкретном месте точно установить нельзя, бои в целом в этом районе были адские, позиции дивизии были невероятно растянуты, потери огромны... Сколько оставалось личного состава в роте капитана Гундиловича и политрука Ключкова, на момент какой из танковых атак – 28 или 128? Сколько было танков в каждой из волн атаки? По 20? Или по 10? Танки-то наступали везде, по всему растянутому фронту... Что придумал и добавил от себя талантливый журналист Кривицкий, в чем, особенно в именах-фамилиях, он напутал или это его запутали? Всего этого мы уже никогда не узнаем... Одно ясно: бойцы 4-й роты, политрук Ключков не разбежались с криками «спасайся кто может!», не сдались от отчаяния, что им нечего противопоставить врагу, кроме связки гранат, что начальство их должным образом не вооружило, что ни авиа-, ни артподдержки нет, что усатый диктатор – бросил их на произвол судьбы, а сам попивает чаек где-то в безопасном бункере, нет – они приняли бой и честно погибли за Родину. Это перекрывает все возможные творческие обобщения, преувеличения, а может – и творческие домыслы. А может, кстати, – и преуменьшения.

А ведь по-другому и не могло получиться у журналиста Кривицкого – в той мешанине из снега, крови, паники, жестокости, поразительного самопожертвования и трусости, героизма

и отчаяния, миллионов тонн металла и сожженных дотла деревень и предместий, сотен тысяч солдат и толп беженцев, всего этого адского кошмара войны, который и представляли собой бои под Москвой осенью 41-го.

Но – внимание!

Теперь мы можем поставить точку поверх точки. Мы всегда говорили о бое 28-ми больше как о символе, чем о факте. Но новые документы свидетельствуют в пользу фактологической достоверности версии «Красной Звезды» даже больше, чем все мы полагали ранее.

Вот копия материалов из папки с надписью: «Главное управление контрразведки «Смерш», 1-е прибалтийское направление». Это дело тянулось 2 года – открывал его ОО (особый отдел) НКВД, а закрывал уже «Смерш» («Смерть шпионам»).

Материалы дела докладывались лично Абакумову. Это расследование, в отличие от упомянутого выше, шло «по горячим следам», в основном, весной-летом 1942-го.

Началось оно так. Был арестован некто красноармеец Кужебергенов Даниил. Особисты заподозрили, что «в ноябре на Волоколамском направлении» он добровольно сдался в плен

с оружием в руках. И в тот же день из плена бежал «при весьма сомнительных обстоятельствах» (начальник ОО НКВД ЗАП-ФРОНТА, 23.06.1942). При этом боец с этой редкой фамилией числился в списке 28 героев как погибший! Более того, после ареста «КУЖЕБЕРГЕНОВ вначале приписывал себе участие в героическом подвиге 28 героев, а впоследствии же от своих показаний отказался» (из доклада на имя начальника Управления Особых отделов НКВД СССР Абакумова, 25.07.1942).

Потом уточнили – звания Героя Советского Союза (посмертно) в числе 28 был удостоен Кужебергенов, но другой – Аскар. Путаница полная. Попутно начали проверку других имен и фамилий в списке героев, и в нем также нашли неточности. Проверять стали все обстоятельства боя, все ли добросовестно написал корреспондент «Красной Звезды» Кривицкий.

Вот, в общем, канва документов из папки «о неправильном оформлении наградных материалов по 28 героям-панфиловцам». Поначалу это дело до боли напоминает будущее расследование Генпрокуратуры в 1948 г. Тогда тоже началось с расследования по панфиловцу, который остался жив, тоже попал в плен и из плена бежал... Но на этом сходство и заканчивается. Потому что конкретный бой, как выяснила контрразведка, был. И описан Кривицким плюс-минус относительно близко к реальности.

Ниже – новые свидетельства, ранее не известные. Особенности документов сохранены (кроме очевидных орфографических ошибок).

«Показание бывшего военкома 1075-го гвардейского стрелкового полка... старшего батальонного комиссара Мухамедьярова Ахмеджана Латыповича

Вопрос – Где, когда с танками вели бой 28 гвардейцев-панфиловцев и кто конкретно руководил этим боем?

Ответ – ...Противник, сосредоточив свои основные силы на своем правом фланге, решил нанести удар по левому флангу нашей обороны, т. е. по расположению 4-й стрелковой роты в районе разъезда Дубосеково, Ширяево и Петелино. На второй взвод 4-й стрелковой роты был направлен первый удар противника. Взвод

сперва отбил атаку автоматчиков противника, последний, встреченный дружным и мощным огнем героев, оставив на поле боя до 80 человек убитыми и ранеными, вынужден был отойти на исходное положение. После неудачной атаки автоматчиков противник в этом направлении пустил против обороны полка несколько десятков танков, разворачивая их в несколько эшелонов. Политрук 4-й стрелк. роты тов. Клочков, узнав создавшееся опасное положение в районе второго взвода роты, направляется туда... В этом направлении против второго взвода двумя эшелонами шли до 50 танков противника. Неравный бой длился 4-5 часов, герои, подпустив танки на близкое расстояние, ручными гранатами и бутылками с горючим подбили и уничтожили 18 танков противника и после того, когда все бойцы этого взвода, 28 гвардейцев-панфиловцев во главе с политруком т. Клочковым были убиты и задавлены танками, противнику удалось прервать линию обороны полка и продвигаться вперед.

Со всей ответственностью заявляю, что действительно факт беспримерного проявления массового героизма со стороны 28 гвардейцев-панфиловцев во главе с политруком роты Клочковым Василием Георгиевичем на разъезде Дубосеково 16 ноября 1941 года имел место в 1075-м гвардейском стрелковом полку...»

Далее.

«Показания начальника штаба 1075-го гвард. стр. полка старшего лейтенанта Веткова Андрея Акимовича

...очень большую роль во всей подготовке материалов и допущенных извращениях играла та слишком большая спешка, которую проявили и те, которые оформляли материалы, и те, которые проверяли и продвигали эти материалы. Одно несомненно, что бы ни вкралось в дело, массовый героизм, проявленный в бою с немецко-фашистскими танками в бою под Дубосеково 16 ноября 1941 года – неопровержимый факт, и ничто не должно стирать светлой памяти 28 героев-панфиловцев, павших в борьбе с немецкими чудовищами за счастье и свободу своей горячо любимой Родины.

05.07.42 г. Допросил нач. ОО НКВД 8-й гв. сд. капитан г/б (подпись)».

Ветков уверенно говорит только об одном – о самом солдатском подвиге. Когда дело доходит до неточностей в наградном списке, он полностью теряется. Такое ощущение, что спустя несколько месяцев реально – невозможно было установить, кто сражался на каком отрезке фронта, в какой конкретно день и при каких обстоятельствах погиб.

Главное одно. Во-первых – сражались, во-вторых – погибли почти все. Нужны доказательства – очень просто – танковые клинья, неудержимо рвавшие до этого на клочки любую еврооборону, – этими парнями с гранатами, ПТР и «коктейлями Молотова» – были остановлены. Это – факт неоспоримый. Следствие в 1942-м явно искало конкретных виновных в халатном отношении к наградным документам, неточностях с фамилиями и т. д., но столкнулось с объективными трудностями – непосредственных исполнителей, беседовавших с Кривицким, допросить оказалось невозможно. Командир 4-й стрелковой роты Гундилович погиб, остальные были ранены и находились в госпиталях, далеко.

При этом о реальном накале боев, в ходе которых готовились статьи и оформлялись наградные документы, о стойкости бойцов Панфиловской дивизии хорошо говорит вот эта коротенькая справка из дела:

«Из личного состава 4-й роты 1075-го гвардейского стрелкового полка, действовавшей в боях у разъезда Дубосеково на 06.07.42 г., проходит службу в полку в должности пом. нач. штаба бывший старшина 4-й роты Дживаго Филипп Трофимович. Других лиц из состава 4-й стрелковой роты, действовавшей в р-не разъезда Дубосеково, на 06.07.42 г. в полку нет».

Итак. От стрелковой роты образца октября 41-го к лету 42-го в строю остался 1 (один!) боец.

Бывший военком полка Мухамедьяров также рассказывает, как работал Кривицкий (в конце «Показания» – «05.07.42. Допросил нач. ОО НКВД 8-й гв. сд. капитан г/б (подпись)»):

«Во время пребывания представителей газеты «Красная Звезда» по разрешению командования дивизии они вместе с полковником Капровым, начальником политотдела дивизии старшим батальонным комиссаром Голушко и командиром второго батальона капитаном Гундиловичем выезжали в район боев, где погибли 28 героев, разъезд Дубосеково. После возвращения эти товарищи рассказывали, что в окопах они нашли тела всех 27 героев, которых похоронили с воинской честью, а тела политрука Клочкова В. Г. там не было, которого местные жители, хорошо знавшие политрука, тайком от немцев разыскали его труп и схоронили за сторожкой путевого обходчика разъезда Дубосеково. На основании этих всех материалов была написана статья Кривицким и поэмы Тихонова, Светлова и других...

28 героев гвардейцев-панфиловцев в основном были из второго взвода 4-й стрелковой роты, где командиром роты был капитан Гундилович и политруком т. Клочков...»

Капитан Гундилович сам в январе командовал уже батальоном, а весной 42-го – погиб. Поначалу считалось, что погибли все «условные» 28 панфиловцев. Потом мы узнаем, что некоторые выжили, но и тогда нашли одного из уже «погибших» 28 тяжело раненным в госпитале и подробно опросили о бое.

«О проявленном массовом героизме... 28 героев гвардейцев-панфиловцев рассказал один из героев тов. Натаров Иван Мойсеевич, который, будучи тяжело раненным, попал в госпиталь и где умер последний из павших 28 героев-панфиловцев» (показания Мухамедьярова).

Арифметика, конечно, не сходится. Сколько, повторюсь, было точно? В какой момент боя? Сколько оставалось в живых из 130 бойцов роты – и на момент какой из танковых атак? Но вся эта «наградная арифметика» и не могла сойтись, тем более тогда, учитывая обстановку... Ясно, что под снегом на поле боя у Дубосекова оставались и те, чьи имена мы уже никогда не узнаем. И каждый из них, наверное, сражался достойно и достоин награды. Ясно, что кто-то из 28 награжденных «посмертно»

остался в итоге, слава богу, жив. Кстати, академик РАН Куманев, недавно ушедший от нас, лично мне рассказывал, как, будучи молодым историком, изучал еще в 1950–1960-е тему 28 панфиловцев и как ему довелось лично побеседовать с 3 (тремя!) выжившими участниками тех боев (вот это, что интересно, совсем не бьется уже ни с расследованием прокуратуры-1948, ни «Смерша»-1942). Со слов почтенного академика РАН – аналогично – путаницы с фамилиями и участниками боя было много, наградили отчасти непричастных, но бой был адский, бой был не один – на протяжении нескольких дней, пока дивизия держала рубеж, – один бой страшнее другого...

Кто-то из 28-ми, возможно, оказался в этом списке волей случая, лично в этом конкретном бою в этот день, в этом месте танки не сжигавший. Такое, признаемся, могло быть. Но главное – факт: тот легендарный бой оказался еще реалистичнее, чем мы думали.

НАШИ ПАВШИЕ – КАК ЧАСОВЫЕ

Вы не задавались вопросом: почему раз за разом мусолят одни и те же «новые» подробности вокруг 28 панфиловцев, Зои Космодемьянской, Гастелло, пионеров-героев, «Молодой гвардии», Александра Матросова, пытаясь так или иначе свести на нет их подвиги? Мол, наврали писатели, совковый агитпроп раздул, все они в лучшем случае шизофреники, а то и полицаи. Почему столько лет уже после «перестройки-гласности» – а все не успокоятся «разоблачители исторических мифов»?

Я думаю – вот почему. Россия – так уж сложилось – это страна Героев. Наша историческая судьба определила особый русский тип стойкости. Высшее ее проявление – жертвенность. И 28, и Зоя, и Матросов, и молодогвардейцы, и далее – все это святые мученики. Мученики вне любого религиозного контекста. Это и есть наша духовная матрица. На примерах и именах этих гражданских святых, как я уже сказал, держится национальная идентичность, по большому счету – гражданское и историческое единство страны.

Вы думаете, вокруг 28-ми, Зои, Матросова ведутся споры серьезных историков? Нет! Ученые знают – нет никаких оснований для серьезных научных споров. Споры эти имеют смысл не научный, а идеологический. Можно сколько угодно надуть щеки, изображая из себя борца за историческую истину, принципиального разоблачителя «советской мифологии» etc... Но по сути все это борьба за свое материальное сложившееся благополучие, за право диктовать аудитории выгодные для себя ценности, которые все как-то никак не желают совпадать с ценностями народными. Не хочу далее писать о Крыме, Донбассе, мультикультурализме, исторической толерантности, всепрощительности, «мошне», которая хранится не дома, в общем, о том, что вы и так прекрасно понимаете... Вернемся к «Смершу».

Тогда, в 1942-м, пока тянулось дело, контрразведка нашла еще одного живого панфиловца. В заветной папке есть и его показания.

Рядовой Васильев был простоват («подозрений на афериста не вызывает», «заехал домой к своей жене, была удивлена моим появлением, так как не считала меня в живых»). Ранен в бою. Выжил. И тоже – удостоен звания Героя Советского Союза (и тоже посмертно). И вот он очень точно пересказывал ход боя до своей контузии.

«Секретно АВТОБИОГРАФИЯ Красноармейца Ашхабадского пересыльного пункта т. ВАСИЛЬЕВА Иллариона Романовича

...Под утро 16 ноября 1941 года немцы повели наступление на нашу оборону, сперва началась бомбежка с самолетов противника, главным образом по правому флангу... политрук т. КЛОЧКОВ приказал выйти из окопов в проходимые щели и сказал нам, что мы остались одни на рубеже, отходить не будем, а будем драться до последнего...

Через полчаса двинулась немецкая пехота автоматчиков, мы подпустили их на 30–40 метров, открыли огонь, уложив более 70 человек, заставили их отступить. После этого на нас пошли немецкие танки, их было приблизительно 20–25 штук. После получения команды приготовить связки гранат, заложить запалы

в противотанковые гранаты и подготовить бутылки с горючей жидкостью, мы, подпуская танки, которые двигались то слева, то справа, то с середины, примерно 7 метров подползали к танкам и под гусеницы подкладывали связки гранат, а в щели экипажей танков бросали бутылки с горючей жидкостью. Мы уничтожили большую группу танков. Помню, что в моем конце на левом фланге, где находился я, было подбито пять танков.

После того как была отбита первая танковая атака, против нас двинулись еще до 30 немецких танков, эту колонну танков противника мы тоже встретили с боем. Я не помню, чем окончилась эта операция, так как был сильно контужен в левую сторону, пришел в сознание в госпитале Орехово-Зуево... мне залечили контузию и четыре ранения в бок, в ногу и два ранения в руку.

ВЕРНО: НАЧ 6 ОТД ОО НКВД 53-Й ОСАА

Мл. лейтенант госбезопасности (подпись)». Сентябрь 1942.

Израненный герой даже воспроизвел слова Ключкова – практически «Отступать некуда». Кривицкому позже прокуроры инкриминировали, что он их выдумал.

А самый последний лист в деле – вот этот.

«Справка. В деле подшиты материалы расследования и сообщения по расследованию. Лиц, подлежащих взятию на оперативный учет по материалам дела, не имеется. Зам. нач. отделения Гл. упр. контрразведки «Смерш». Майор (подпись) 13/ХП 44 г.»

Значит так. Изучили, разобрались, закрыли дело и никого наказывать не стали. Не за что, оказалось: ну, есть некоторые неточности, есть творческие преувеличения.

Но это на бумаге. А в жизни был великий подвиг.

Зимой 41–42-го «история о 28-ми» стала известна всей стране.

И вот что я скажу о ней напоследок.

Когда весной 1942-го – шагнул из окопа первый боец РККА, держа пример 28-ми в сердце, а изданную миллионным тиражом, отдельной тонкой книжечкой статью Кривицкого – в кармане гимнастерки, когда он шагнул через бруствер – навстречу смерти и бессмертию, все журналистские неточности и преувеличения перестали что-то значить.